

К 120-летию Первой русской революции

Из-под рясы попа к мировой революции

23 ноября (7 декабря) 1902 года состоялось торжественное открытие Санкт-Петербургского общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве (далее – *Общество*). В декабре на собраниях *Общества* стал появляться молодой священник Георгий Гапон, быстро попавший в поле зрения Охранного отделения полиции. Вскоре состоялось знакомства попа с шефом охраны Сергеем Зубатовым. Именно с его именем связано появление такого понятия как *зубатовщина*. Он создал систему подконтрольных правительству организаций для отвлечения рабочих от политической борьбы.

Социал-шовинизм

Гапон возглавил *Общество*, которое теперь повсеместно ассоциируется с его именем, лишь летом 1903 года. Достояния внимания и размышления мотивация, которую он использовал, отказываясь возглавить *Общество* ранее: организация скомпрометирована связями с полицией. При этом сам Гапон уже сотрудничал с Охранкой. Возглавив *Общество*, он призывал рабочих к освобождению «от опеки административных нянек» и обретению *материальной независимости*.¹ На собраниях *Общества* выслушивались заявления рабочих, обсуждались газетные и журнальные статьи по рабочему вопросу².

14 (27) октября 1903 года Гапон представил директору Департамента полиции Алексею Лопухину докладную записку, которая, по своей сути, являлась программным документом: рабочим следует предоставить возможность для разумной самостоятельности, самоорганизации и самопомощи «во благо нашей родины [...] иначе воспользуются другие – враги России»³.

Для реализации этой программы Гапон ставил амбициозные организационные задачи: «Мы разовьём деятельность по всей России: все промышленные центры [...] будут нами втянуты в Союз, мы всю Россию покроем сетью наших организаций. [...] у нас будет такая сила, что всё должно будет подчиняться рабочему, и вообще трудовому люду, и тогда...»⁴.

Борьба за влияние на массы

9 (22) ноября 1903 года градоначальник Санкт-Петербурга Николай Клейгельс, даже не дожидаясь юридического утверждения устава *Общества*, разрешил ему устраивать собрания. Власти стремились поставить рабочее движение под свой контроль. К концу года на собрания *Общества* стала приходить группа большевиков, «честных, преданных делу революции рабочих»⁵, в составе Веры и Алексея Карелиных и Дмитрия Кузина. Приходили на собрания *Общества* и меньшевики, и эсеры. Они «выступали, громили Гапона [...], называли нас зубатовцами»⁶, – вспоминал позднее Карелин.

Группа большевиков стремилась держаться обособленно, незаметно, но постепенно начала играть центральную роль и выполнять функцию штаба. Каким образом? *Общество* расширялось, было юридически зарегистрировано 15 (28) февраля 1904 года и получило новое название – *Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга*. Чтобы организовывать его деятельность, Гапон был вынужден искать помощи со стороны инициативных и авторитетных рабочих, имеющих прочные связи и опыт работы в пролетарской среде. Под их воздействием внутри «Собрания» начиналось брожение, часть рабочих постепенно оставляла монархические взгляды и ксенофобские позиции (будто бы нужно объединять только русских рабочих). «Незаметно для самого себя, Гапон принимал те мысли и решения, какие навязывали ему рабочие. [...] массы революционизировали «Собрание»»⁷, – пишет в изданной нами истории РКП(б) большевик Владимир Невский.

Но имелось и обратное влияние. Возьмём пример упомянутого выше Карелина, сблизившегося с первыми социал-демократическими кружками ещё в 1887 году, вступившего в РСДРП с 1897 года, организатора новых рабочих кружков. «Мы знали, что Гапон имеет какие-то связи с полицией и держался осторожно. Я был большевиком и участвовал ещё в организации Бруснева [...]. Эти старые связи и мешали как-то поверить Гапону, а когда поверил ему, то и пришлось порвать с интеллигенцией и партией, потому окрестили меня – зубатовец»⁸, – вспоминал он. Попав под влияние Гапона, Карелин отстранился от партии, его кружок превратился во влиятельную в рабочей среде

Петербурга группу, которая считала неэффективной подпольно-конспиративную работу и искала пути для открытой деятельности в рабочих массах. Фактически карелинцы опередили ликвидаторов, появившихся в среде меньшевиков-антипартийцев в условиях реакции после Первой русской революции.

Шла борьба, в которой все стремились повлиять друг на друга и использовать в собственных целях: карелинцы смотрели сквозь пальцы на связи Гапона с полицией, считая, что они лишь используют Гапона для решения своих задач. Сам Гапон думал, что использует и карелинцев, и полицию в своих целях.

Непреднамеренный результат

Слабость задыхавшихся в подполье большевиков, объединявших «высокоразвитых квалифицированных рабочих-социалистов», рост рабочего движения, требовавший новых, легальных форм организации, а также культурно-просветительные функции «Собрания» и отчасти ряса священника Гапона делали его общество *«притягательной силой, тянувшей [...] самую тёмную, самую отсталую массу»*⁹, – писал Невский. Высшей точкой для гапоновской организации стал декабрь 1904 – январь 1905 года: тогда она насчитывала порядка 4 тысяч рабочих, что как минимум в четыре раза превышало силы питерских социал-демократов (меньшевиков и большевиков вместе взятых). *«Есть все основания думать, что Собрание русских фабрично-заводских рабочих сыграло очень существенную роль в самом возникновении общей январской забастовки: оно подготовило в довольно широких кругах рабочего класса сознательное недовольство существующим положением вещей и с самого начала поддержало первых протестантов и самую мысль о забастовке»*¹⁰, – таковы выводы писательницы и публициста Любови Гуревич.

Верно, но недостаточно. В статье «Петербургская стачка», написанной по горячим следам, Ленин даёт исчерпывающую характеристику значения гапоновщины. Это движение изначально, несомненно, было зубатовским, но постепенно оно переросло свои рамки. *«Начало стачки было стихийное. [...] Начатое полицией в интересах полиции, в интересах поддержки самодержавия, в интересах развращения политического сознания рабочих»,* движение втянуло *«некоторые, особенно отсталые слои рабочих»*, помогло *«встряхнуть тех, кого не скоро, а может быть и никогда не встряхнул бы агитатор-социалист»*. Развернувшись против самодержавия, оно стало *«взрывом пролетарской классовой борьбы»*¹¹.

Естественное экономическое явление

Увольнения, локауты, безработица являются неотъемлемой составляющей капиталистических отношений – это дамоклов меч, который постоянно висит над головой рабочих и давит на их сознание. При отсутствии профсоюзов, возникших в России лишь в революционном 1905 году, угроза увольнения без всякой компенсации была весьма действенным орудием давления со стороны буржуазии. Другим инструментом в её руках были штрафы, которые хотя и не разоряли, но унижали. В этих условиях любой *«инцидент между мастером и рабочим мог перерасти [...] в серьёзный конфликт»*¹².

Так, конфликт мастера Тетявкина с четырьмя рабочими-гапоновцами стал поводом для знаменитой Путиловской стачки, начавшейся 3 (16) января 1905 года, в которой приняли участие 13 тысяч рабочих завода. По сути, именно она стала прологом первой русской революции. По ходу стачки, начавшейся в защиту уволенных товарищей по классу, ПК РСДРП сформулировал общие требования и распространил их изданной в этот же день листовкой.

*«Под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии упорно будем бороться за следующие [...] требования: 1) 8-часовой рабочий день, 2) отмена сверхурочных работ, 3) отмена штрафов и обысков, 4) увеличение заработной платы на 30 процентов, 5) свобода стачек и собраний, 6) свобода печати, а самое главное – созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Долой самодержавие! Долой войну!»*¹³

Шла Русско-японская война... Та самая *«маленькая победоносная война»*, которая, как надеялся российский министр внутренних дел и шеф жандармов Вячеслав Плеве, должна была *«удержать революцию»*. Надежды не оправдались. 8 (21) января, согласно

официальным сведениям, бастовало уже 111 тысяч рабочих 456 заводов и фабрик Санкт-Петербурга. Так, пишет Ленин, несмотря на *«примитивность социалистических воззрений у некоторых руководителей движения, живучесть наивной веры в царя у некоторых элементов рабочего класса»*¹⁴, через грязь и нищету, наперекор грубости надсмотрщиков капитала, вопреки ударам казацкой нагайки, из-под полы рясы священников-зубатовцев, пробивались наружу недовольство и возмущение даже самых тёмных и забитых слоёв пролетариата, их неосознанное стремление к иной, новой, лучшей жизни, просыпался их *революционный инстинкт*.

Собрания ячеек РСДРП Невского, Василеостровского и других районов приняли решение, обязавшие членов партии быть 9 (22) января среди масс, направлявшихся к Зимнему дворцу, с целью выяснения их настроений и ведения агитации. Связи партии с массами пролетариата были ещё крайне слабы. Но как верно будет подмечено Розой Люксембург, после революции *«мощь, организация и классовое сознание пролетариата окажутся [...] на таком высоком уровне развития, что они всякий раз будут перешагивать рамки “нормального” буржуазного общества. [...] Откроется [...] новая фаза истории буржуазного общества, которое ввиду недостаточно устойчивого равновесия классовых сил будет переживать постоянные бури, которые, следуя друг за другом с большими или меньшими паузами, с большей или меньшей стремительностью, не смогут всё же найти никакого иного выхода, кроме социальной революции и диктатуры пролетариата»*¹⁵.

Привнесение сознания в стихийность

Рабочее движение распространялось *вширь и вглубь*, приближая *«ликвидацию международного жандарма Европы»*¹⁶. Зачастую этому движению ещё не хватало сознания – ещё должно было произойти слияние разрозненной энергии в единую волю, организованную партией-стратегией Ленина, – но Россия уже стояла на пороге одного из *«наиболее величественных проявлений рабочего движения»*¹⁷.

И чтобы достичь этого результата, сделает впоследствии вывод Ленин, чтобы влиять на массы, следовало *«работать там, где есть масса»*¹⁸, то есть в профсоюзах (по сути, именно прототипом профсоюза и была гапоновская организация), где *«миллионы рабочих [...] впервые переходят от полной неорганизованности к элементарной, низшей, простейшей, наиболее доступной форме организации...»*¹⁹.

Март 2025 г.

¹ – Варнашев Н. От начала и до конца гапоновской организации // Историко-революционный сборник. Л., 1924. Вып. 1. С. 177–208.

² – И. М. Карусева. Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга. К истории создания крупнейшей легальной рабочей организации под руководством Георгия Гапона // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 85. С. 65, 67.

³ – Кобяков Р. Гапон и Охранное отделение до 1905 года // Былое. 1925. №1. С. 44.

⁴ – Павлов И. Из воспоминаний о “Рабочем союзе” и священнике Гапоне // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 34.

⁵ – В. И. Невский. История РКП(б). Краткий очерк. СПб: АНО «Центр международных исследований “Новый Прометей”», 2009. С. 304.

⁶ – Карелин А. Е. Девятое января и Гапон // Красная летопись. 1922. № 1. С. 107.

⁷ – В. И. Невский. Указ. соч. С. 304, 306.

⁸ – Карелин А. Е. Указ. соч. С. 107.

⁹ – В. И. Невский. Указ. соч. С. 305–306.

¹⁰ – Гуревич Л. Народное движение в Петербурге 9 января 1905 г. // Былое. 1906. № 1. С. 199.

¹¹ – В. И. Ленин. ПСС. Изд. 5-е. Т. 9. С. 174–175.

¹² – История рабочих Ленинграда, 1917–1965 гг.: в 2 т. Т. 1. Л., 1972. С. 189.

¹³ – Петербургский комитет РСДРП. Протоколы и материалы заседаний. Июль 1902 – февраль 1917. Л., 1986. С. 123.

¹⁴ – В. И. Ленин. ПСС. Указ. соч. С. 176–177.

¹⁵ – Роза Люксембург. О социализме и русской революции: Избранные статьи, речи, письма. М., 1991. С. 136–137.

¹⁶ – В. И. Невский. Указ. соч. С. 283.

¹⁷ – В. И. Ленин. Указ. соч. С. 174.

¹⁸ – Там же. Т. 41. С. 36.

¹⁹ – Там же. С. 37.